

Вступительная статья

Среди разнообразных археологических памятников, отражающих быт и идеологию древних народов, значительный интерес представляют золотые и серебряные украшения — образцы ювелирного искусства далёкого прошлого. Большинство из них — высокохудожественные произведения, в которых изящество формы и богатство орнамента сочетаются со сложной техникой исполнения. Декорирующие костюм ювелирные изделия не лишены и своего особого содержания: некоторые предметы (например, амулеты-обереги, охраняющие благополучие их владельца) отражают религиозные представления, другие могут рассматриваться также и как символы власти.

Эрмитаж обладает бесценным собранием золотых предметов, среди которых, наряду с уникальными произведениями скифского и сарматского «звериного стиля», изысканными и изящными работами греческих ювелиров, выделяются яркие, многокрасочные изделия гуннской эпохи. Здесь хранится самая многочисленная в стране коллекция гуннских древностей: золотые украшения одежды и головного убора, богатое убранство конского снаряжения, расцвеченные вставками полудрагоценных камней и стекла ярко-красных оттенков.

Отдельные аналогичные предметы и небольшие собрания имеются в других музеях нашей страны: на Украине, в Средней Азии, в Казахстане. Интересные материалы гуннской эпохи, в том числе и ювелирные произведения, находятся в коллекциях зарубежных музеев; особенно много их в музеях Венгрии. Полихромные украшения, отличаясь высокими эстетическими достоинствами, одновременно являются важным историческим источником для решения вопроса о происхождении стиля ювелирных изделий, распространённых в Северном Причерноморье в период господства гуннов. Учитывая также громадную роль полихромных изделий гуннов в формировании ювелирного искусства меровингской эпохи, можно вполне оценить значение эрмитажной коллекции, постоянно привлекающей внимание учёных европейских стран.

Впервые полихромные украшения гуннской эпохи были открыты в 1812 году в богатом захоронении, расположенном на правом берегу р. Прут, на территории с. Концешты в Румынии. Погребение обнаружено случайно местными жителями, которые на свежей осыпи берега нашли серебряный сосуд, цветные камни и золотые бляшки¹. [1]

С момента первой находки до последующих открытий древностей гуннской эпохи прошло несколько десятков лет. Преобладающее число находок относится к концу XIX — началу XX века, ко времени, когда археологические исследования приняли более планомерный характер. Обнаруженные вещи поступали сначала в Археологическую комиссию, а затем

в Эрмитаж. В период Советской власти собрание полихромных изделий пополнилось новыми археологическими материалами.

Большинство украшений полихромного стиля гуннского времени происходит из погребений степной полосы юга России, где в этот период

господствовали кочевые племена. Такие же изделия открыты на Боспоре, в могильнике, расположенном на Госпитальной улице в Керчи. Инвентарь этого могильника ценен не только как источник, отражающий поздний этап истории Боспора, но и как эталон для определения времени синхронных погребений в южнорусских степях. В некоторых керченских склепах вместе с украшениями полихромного стиля были обнаружены индикации монет римских императоров Валентиниана I (364-375 гг.) и Валентиниана II (375-392 гг.), серебряная утварь византийской работы, декоративные булавки (фибулы), стеклянная посуда, время бытования которых ограничивают концом IV — первой половиной V века н.э.

Уже ранние находки ювелирных изделий периода господства гуннов обратили на себя внимание исследователей, заинтересовавшихся прежде всего вопросами происхождения и формирования полихромного стиля. В 1892 году французский учёный де Бай, сопоставив вещи, открытые в окрестностях Керчи, с украшениями меровингской эпохи из Венгрии, Германии и Франции, пришёл к выводу об их готском происхождении. Точку зрения де Бая разделили многие авторы, и термин «готский стиль» прочно вошёл в литературу. В то же время русский исследователь Э.Р. Штерн, в связи с другой керченской находкой в «склепе 1896 года», в котором, по его мнению, была погребена знатная греческая чета, высказался в пользу северопричерноморского происхождения обнаруженных здесь полихромных изделий. Возражая де Баю, он заметил, что пришедший с севера народ (готы) не мог обладать совершенной и своеобразной техникой обработки металла и что источник так называемого готского стиля следует искать в греческом художественном ремесле Малой Азии и Боспора. М.И. Ростовцев, известный русский историк, также указал, что с приходом в III веке н.э. в Северное Причерноморье готов «никаких новшеств в технике ювелирных изделий или орнаментации не появилось». Он видел в произведениях полихромного стиля гуннского времени дальнейшее развитие греко-сарматского искусства, продолжающего иранскую ветвь «звериного стиля», и господствовавшего на Боспоре греческого полихромного стиля эпохи позднего эллинизма и ранней Римской империи. По мнению М.И. Ростовцева, этот стиль, подхваченный готами, был ими и «эллинизированными сарматами или сарматизированными греками, игравшими активную роль в движении готов на запад, перенесён в Центральную Европу. Распространение греко-сарматского стиля не было приостановлено и новыми завоевателями гуннами, которые, как и готы, сопровождалась сарматами». Это положение М.И. Ростовцева было в дальнейшем разработано советским учёным Л.А. Мацулевичем и поддержано рядом других исследователей. Так сложилось мнение о сармато-аланском происхождении полихромных украшений гуннской эпохи. Большинство западноевропейских специалистов также отмечают в полихромных изделиях данного периода традиции боспорских мастеров и связывают их распространение в Центральной и Юго-Восточной Европе с приходом гуннов в Паннонию (Н. Феттих, А. Альфёльди, Я. Гарматта — Венгрия, И. Вернер — Германия). Вернер допускает наличие ещё одного центра в

Подунавье, изготавливавшего полихромные изделия без орнаментов из зерни. Эту точку зрения поддерживает советский учёный М.А. Тиханова. Некоторые исследователи

склонны к мысли о восточном происхождении полихромных украшений. А.Н. Бернштам и М.К. Кадырбаев, публикуя находки из Центрального Казахстана, предполагают наличие местных, казахстанских, очагов ювелирного искусства, хотя и признают главным центром юг России.

Из приведённых высказываний видно, что в вопросе о полихромном стиле изделий гуннской эпохи надо различать два момента: во-первых, происхождение и развитие полихромного стиля во-вторых, выделение центров производства украшений, исполненных в этом стиле.

Нам представляется, что ювелирные изделия гуннской эпохи нельзя рассматривать как произведения искусства одного народа, в них можно проследить влияния различных культур — античные традиции, элементы сарматского искусства и новые веяния, отвечающие вкусам и запросам пришельцев-гуннов. Последние сыграли ведущую роль в формировании полихромного стиля данного периода, определив его содержание и своеобразный характер. Что же касается центров производства, то для решения этой задачи следует пойти по пути выделения внутри комплекса указанных изделий отдельных групп, отличающихся друг от друга техническими деталями и стилистическими чертами, подчас незаметными на первый взгляд. В этой связи очень ценны наблюдения И. Вернера и М.А. Тихановой об отсутствии зерни на большинстве предметов из Центральной и Юго-Восточной Европы, которые, по их мнению, были созданы в Подунавье.

* * *

Прежде чем перейти к анализу ювелирных изделий, кратко охарактеризуем исторические события интересующего нас периода.

Гуннская эпоха, известная как «эпоха великого переселения народов», ознаменовалась массовыми передвижениями различных племён Восточной Европы. Внезапное и стремительное нашествие гуннов на запад в конце IV века н.э. вызвало смятение не только в цивилизованных кругах римского общества, но и в варварской среде, которая первой почувствовала силу сокрушительного удара завоевателей. Гунны безжалостно уничтожали всё, что находилось на их пути, разоряя и истребляя, а частично увлекая за собой население покорённых территорий. В борьбе с гуннами решались исторические судьбы многих народов; некоторые из них, потеряв политическую и экономическую самостоятельность, навсегда сошли с исторической арены. Распались долголетние союзы племён — сармато-аланский и готский, прекратила существование черняховская культура осёдлых племён лесостепи. Под натиском гуннов пали многие города Боспорского царства. Как культурные центры сохранились Пантикапей, Херсонес и Фанагория.

Гунны, возможно, тюрки по происхождению, открыли дорогу в степи Северного Причерноморья восточным тюркским народам (аварам, хазарам, печенегам, половцам), положив конец почти тысячелетнему господству здесь ираноязычных скифских и сарматских племён.

Продвинувшись на юго-восток Европы, гунны покорили местное население, и пребывание их на завоеванной территории представляло реальную угрозу существованию угасающей Римской империи.

Эти события нашли яркое отражение в письменных источниках. Первые достоверные сведения о гуннах в Европе принадлежат перу римского историка Аммиана Марцеллина — современника гуннской экспансии на запад (370-е гг. н.э.). «Племя Гуннов, — повествует Аммиан Марцеллин, — о котором мало знают древние памятники, живёт за Мэотийскими болотами (Азовское море. — *И.З.*) у Ледовитого океана и превосходит всякую меру дикости». Гунны были кочевниками и, словно «вечные беглецы», проводили всю жизнь в кибитках: «Здесь жёны ткут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина: он зачат в одном месте, рождён далеко оттуда, вскормлен ещё дальше»¹. [2]

При таком образе жизни огромное значение для гуннов имел конь. «Как бы приросшие к своим выносливым, но безобразным на вид лошадёнкам, — пишет Аммиан Марцеллин, — и иногда сидя на них по-женски, они исполняют все обычные свои дела; на них каждый из этого племени ночует и днюет, покупает и продает, ест и пьёт и, пригнувшись к узкой шее своей скотины, погружается в глубокий сон с разнообразными сновидениями»². [3] Когда приходится им совещаться о серьёзных делах, то совещание они ведут, также сидя на конях.

Римский поэт Клавдий Клавдиан сравнил гуннских всадников с кентаврами. «Двойная природа не более их сочетала двуобразных тучерождённых с родными конями»³. [4]

Описывая внешний вид гуннов, Аммиан Марцеллин подчёркивает как отличительный признак их безбородость: «Они стареются безбородыми и лишёнными всякой красоты, подобно евнухам; все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь страшным и чудовищным видом, что можно принять их за двуногих зверей или уподобить сваям, которые грубо вытёсываются при постройке мостов»⁴. [5] Облик Аттилы, который рисует готский историк Иордан, близок к описанию портрета его соплеменников: «Низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутый сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом [кожи], он являл все признаки своего происхождения»⁵. [6]

Из этих сообщений ясно, что облик гуннов был непривычен для глаз римлян. Гунны отличались от кочевавших ранее в южнорусских степях ираноязычных племён — сарматов и аланов — и принадлежали, вероятно, к монголоидной расе.

Первой жертвой гуннской экспансии были сарматы Нижнего Поволжья. К сожалению, письменные источники ничего не сообщают о судьбе нижневолжских племён. О разыгравшихся здесь трагических событиях можно судить лишь по археологическим памятникам, которые свидетельствуют о гибели сарматской культуры и о распаде политического союза сарматских племён Нижнего Поволжья в конце IV века н.э.

Захватив степные пространства между Волгой и Доном, гунны переходят Дон (по греческим источникам — Танаис) и вступают в столкновение с аланами Приазовья. Из сообщения Аммиана Марцеллина мы узнаем, что аланы были наголову разбиты гуннами: «Этот подвижный и неукротимый народ (гунны. — *И.З.*), пылающий неудержимую страстью к похищению чужой собственности, двигаясь вперёд среди грабежей и резни соседних народов, дошёл до Аланов, прежних Массагетов»¹. [7] После завоевания аланов, которое относится к началу 370-х годов, гунны двинулись дальше на запад и обрушились на готов (германские племена, обитавшие в Крыму и междуречье Днепра и Днестра). Захватив территорию готов, гунны стали владельцами огромного пространства от Волги до Днестра, включая и степной Крым. Они временно приостановили движение на запад, чтобы навести порядок в завоёванных землях — принудить к повиновению покорённые

народы и предотвратить периодически возникающие междоусобицы среди самих гуннских племён.

Таким образом, в Северном Причерноморье в конце IV века н.э. образовался очень пёстрый по этническому составу союз племён, возглавляемый гуннами. В этот период (370-420 гг.) ставка главного гуннского вождя размещалась где-то в Северном Причерноморье. Как сообщает римский посол Олимпиодор, чтобы достигнуть ставки правителя гуннов, ему пришлось переправиться через Понт (Чёрное море).

С 425 года в правление Руи, предшественника Атилы, гунны вновь предприняли походы на запад, к Дунаю, где вступили в борьбу с осевшими там ранее племенами. Последние представляли собой отколовшуюся часть гуннской орды и неоднократно сражались на стороне римлян против соплеменников. Однако Руе не удалось покорить их. После смерти Руи в 433 году власть перешла к его племянникам Бледе и Аттиле. В 445 году Бледа, не без ведома Атилы, был убит, и Аттила стал единственным правителем гуннского племенного союза. Царствование Атилы было триумфом господства гуннов в Европе. В это время под их властью оказались придунайские земли и, в частности, территория Паннонии (Венгрии), куда была перенесена ставка вождя.

Эпоха Атилы ознаменовалась постоянными войнами с Римом, которые часто заканчивались полным поражением римлян. В результате римляне были обязаны выплачивать огромные дани золотом и таким образом находились в постоянной и тяжёлой зависимости от гуннов. Неоднократно римские императоры отправляли к Аттиле своих послов с дорогими подарками, чтобы, умилив жестокое властелина, предотвратить новые военные действия.

Война была главной целью гуннов, путём к обогащению и власти. Силой оружия Аттила удерживал в повиновении покорённые народы. Прииск

Панийский, римский посол в стране гуннов, рассказывает, что, когда народ акатирь вздумал вступить в союз с римлянами, Аттила, узнав об этом, не замедлил выслать большую рать и одних перебил, а других склонил к подчинению. Естественно, что первое же крупное военное поражение, которое потерпел Аттила, подорвало могущество не только самого вождя, но и всего союза в целом. Это случилось в результате решающей битвы между гуннами и римлянами, происшедшей на Каталаунских полях (в Шампани, Франция) в 451 году. Иордан пишет: «Здесь схватились сильнейшие полки с обеих сторон, и не было тут никакого тайного подползания, но сражались открытым боем... В этой известнейшей битве самых могущественных племён пало, как рассказывают, с обеих сторон 165 тысяч человек, не считая 15 тысяч гепидов и франков; эти, раньше чем враги сошлись в главном сражении, сшиблись ночью, переколов друг друга в схватке — франки на стороне римлян, гепиды — на стороне гуннов»¹. [8] Каталаунская битва явилась переломным моментом в истории гуннов, потерявших своё могущество. После смерти Атилы в 454 году держава гуннов распалась. Разгорелись сдерживаемые ранее силой межплеменные и внутриплеменные распри. Иордан сообщает, что «между наследниками Атилы возгорелся спор за власть... и пока они, неразумные, все вместе стремились повелевать, все же вместе и утеряли власть»². [9] С распадом державы Атилы гуннский племенной союз перестал существовать.

Этот сравнительно короткий, но насыщенный бурными событиями период истории отражён сохранившимися в небольшом числе погребальными памятниками. Разнообразие погребального обряда (труположение в подбойных и прямоугольных могилах, трупосожжение, кострища под курганной насыпью, бескурганные могилы, погребения со шкурой лошади), отличающее эти памятники, свидетельствует о пёстром этническом составе гуннского союза, который, как мы знаем по письменным источникам, включал различные племена — и тюркские, и германские, и иранские. Большинство погребений по своему характеру чуждо предшествующей местной культуре сарматов и аланов, и только некоторые могут быть связаны с бывшими хозяевами южнорусских степей. Новые черты появились и в материальной культуре. Впервые в южнорусских степях получают распространение однолезвийные мечи и кинжалы, стрелы с угольчатыми крупными наконечниками, особый набор конских уздечек, бронзовые литые котлы с ручками оригинальной конструкции, отдельные виды украшений — диадемы, колты, кулоны. Все эти данные археологии при сопоставлении их с письменными источниками позволяют говорить о сложении в первой половине V века н.э. новой культуры, связанной с приходом гуннов в южнорусские степи. Влияние гуннской культуры ощущается и в ювелирном искусстве. Именно тогда формируется своеобразный полихромный стиль гуннской эпохи.

Основа всякого полихромного стиля — многоцветность. Но один этот признак не даёт полного представления о стиле, определяющемся совокупностью многих художественных особенностей (характер формы, рисунка, орнаментации и т.д.).

Полихромия — приём украшения предмета — может достигаться различными техническими и художественными средствами. Различны материалы, из которых создаются многоцветные изделия (краски, камень, эмаль), техника (расположение вставок в напаянных гнёздах, в углублениях, в перегородках; роспись красками по гладкой поверхности или заполнение краской резного орнамента и т.д.). Различными могут быть сочетания цветов, интенсивность полихромии, содержание орнаментов. Разнообразные комбинации технических и художественных приёмов создают тот или иной полихромный стиль.

Если среди предметов «звериного стиля», главными мотивами которого были изображения животных, учёные выделяют стилистические группы (в археологической литературе упоминаются скифский, сарматский, сибирский и переднеазиатский «звериный стиль»), то с полихромными изделиями дело обстоит сложнее. Часто совершенно отличные по стилю вещи рассматриваются как единая группа только потому, что все они орнаментированы цветными вставками.

Чтобы определить стилистические группы полихромных изделий и проследить их происхождение и развитие, необходимо исследовать огромный археологический материал, охватываемый широкими географическими и хронологическими рамками. Такая задача может быть решена лишь в специальной работе, посвящённой истории развития ювелирного искусства Северного Причерноморья. Цель данной публикации ограничивается характеристикой полихромных изделий Северного Причерноморья, созданных в гуннскую эпоху.

Ювелирные изделия гуннского времени относятся в основном к двум группам. Первая группа — предметы с цветными вставками в напаянных гнёздах, вторая — изделия, исполненные в технике перегородчатой инкрустации.

Главными особенностями первой группы являются: сочетание золотого фона с яркими красными или оранжевыми вставками полудрагоценных камней — граната, альмандина, сердолика, реже янтаря и стекла — в напаянных, иногда вырезанных в верхнем покрытии гнёздах; расположение гнёзд горизонтальными или вертикальными рядами; интенсивное покрытие золотой поверхности цветными вставками; наличие орнаментов из зерни и филигранных или штампованных поясков в виде «плетёнки», «верёвочки», «рубчика», «ёлочки».

Вторая группа характеризуется отсутствием золотого фона, а также накладного орнамента из золотых проволочек и зерни и наличием цветных вставок в напаянных перегородках, образующих гнёзда различных геометрических форм, верхний край которых создаёт орнаментальный узор. Первая группа представлена наиболее многочисленными и разнообразными украшениями: диадемами, височными подвесками, перстнями, серьгами, наконечниками поясов, пряжками, накладками от конской упряжи и другими предметами.

Диадемы. В настоящее время известно двадцать четыре диадемы гуннской эпохи (из них 12 найдены в Северном Причерноморье, 4 — в Нижнем Поволжье, 3 — в Казахстане, 3 — в Румынии, одна — в Венгрии и одна — в Польше).

За исключением двух экземпляров (из погребения у г. Ленинска Волгоградской области и из погребения в урочище Кара-Агач в Казахстане), не имеющих цветных вставок, все диадемы исполнены в полихромном стиле. Они различаются по форме, деталям орнамента и некоторым техническим особенностям, что, скорее всего, указывает на различные центры их изготовления.

По форме эти украшения делятся на четыре группы. К первой относятся диадемы в виде сплошной полосы прямоугольной формы с фигурным фризом, ко второй — диадемы в виде узкой ленты прямоугольной формы или с сужающимися концами, третью группу образуют трёхчастные и четвёртую — лжетрёхчастные диадемы.

Все диадемы изготовлены из бронзовой пластины, покрытой тонким золотым листом, края которого загнуты и плотно охватывают бронзовую основу. Золотое покрытие украшено горизонтальными или вертикальными рядами вставок альмандина, граната и сердолика в гнёздах разнообразных геометрических форм — овальных, круглых, миндалевидных, треугольных, сегментовидных и прямоугольных.

Гнёзда сделаны из узкой полоски с заходящими друг за друга концами, напаянной ребром на поверхность пластины. Края диадем часто окаймлены филигранным или штампованным орнаментом — «плетёнкой», «верёвочкой», «рубчиком», а промежутки между гнёздами заполнены треугольниками из зерни. На верхнем крае некоторых диадем имеется фриз, вырезанный вместе с основанием из одной пластины и также декорированный цветными вставками в напаянных гнёздах, треугольниками из зерни и накладным орнаментом.

Диадемы служили украшением головного убора и носились как венцы или налобные повязки. В длину они обычно не превышают 30 см. Небольшие отверстия по краям длинных сторон, а также следы подкладки на некоторых экземплярах свидетельствуют о том, что диадемы пришивались к мягкой матерчатой или кожаной основе.

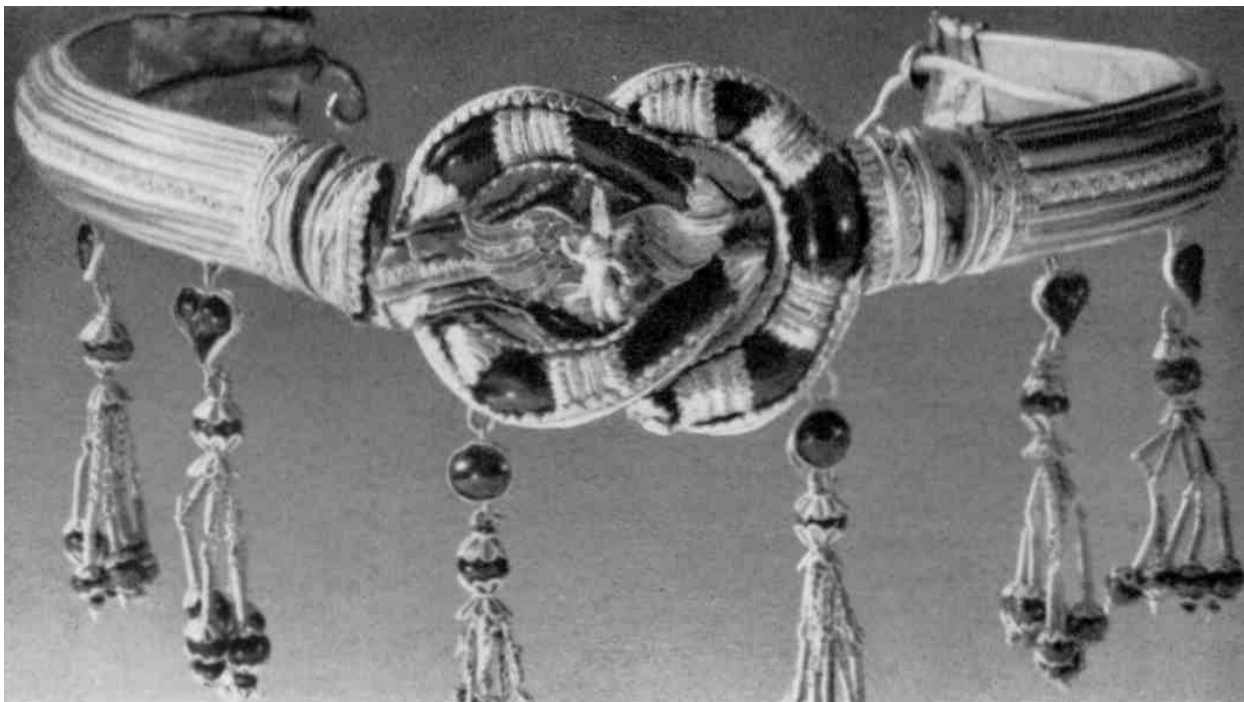

Рис. 1. Диадемы эпохи эллинизма из Артюховского кургана на Тамани и из Фессалии

Большинство диадем (16) обнаружено в южнорусских степях. В странах Центральной и Юго-Восточной Европы их известно только четыре. Последние отличаются более

простыми формами (прямоугольные пластины), а также отсутствием накладного орнамента и зерни.

В Северном Причерноморье мода на диадемы была распространена ещё в античную эпоху. При раскопках богатых погребений жителей Боспорского царства и могил скифской и меотской знати находят диадемы разнообразных форм — от высоких калафов до узких золотых венцов и налобных повязок, декорированных растительным орнаментом или сюжетными композициями, исполненными в технике чекана или оттискивания. В эллинистическое время (конец IV-II в. до н.э.) с распространением полихромии в ювелирном искусстве Боспора диадемы стали украшать вставками цветных полудрагоценных камней. Приём украшения вещей цветными вставками греки заимствовали на Востоке во время походов

Александра Македонского. Замечательными образцами раннего полихромного стиля эпохи эллинизма являются диадемы с геракловым узлом, орнаментированным гранатами, из Артюховского кургана на Таманском полуострове (рис. 1), из Керчи, из Херсонеса.

К более позднему римскому времени (I в. н.э.) относится трёхчастная диадема из Новочеркасского клада (курган Хохлач), которая принадлежала знатной женщине сарматского племени. Этот убор орнаментирован цветными вставками граната, красного и зелёного стекла в крупных напаянных гнёздах и женской головкой из аметистового кварца греческой работы более раннего эллинистического времени (использована вторично). По верхнему краю диадема украшена фризом, изображающим «древо жизни» и идущих к нему козлов и оленя (рис. 2). Правители и знать Боспорского царства носили также золотые венцы с оттиснутым на них изображением монеты или каменной вставкой в центре.

В диадемах конца IV — первой половины V века н.э., исполненных в пышном полихромном стиле, прослеживаются традиции боспорского ювелирного искусства предшествующего времени. Это выразилось в формах некоторых уборов (сплошная узкая лента), стилистических особенностях (манера украшения поверхности цветными вставками из камня или стекла, филигранный орнамент из золотых проволочек и зерни) и отдельных технических приёмах (размещение вставок в напаянных гнёздах, способ соединения составных пластин трёхчастных диадем с помощью шарниров, техника орнамента, наличие бронзовой основы).

Диадемы гуннской эпохи имеют свои характерные черты. Главная из них — интенсивность покрытия поверхности цветными вставками, которые расположены горизонтальными и вертикальными рядами. Другая особенность этих диадем — оригинальность формы. Некоторые из них увенчаны грибообразными фигурами, напоминающими выступы на бронзовых гуннских котлах и, вероятно, также воспроизводящими в очень условной манере древо жизни или головы птиц.

Металлические диадемы, богато украшенные камнями, повторяют более простые головные повязки, расшитые бусами или мелкими золотыми бляшками. Подобные украшения были характерны для костюма кочевников и встречены в захоронениях гуннской эпохи и предшествующего времени. Например, в гуннском погребении у г. Покровска (ныне г. Энгельс) Саратовской области на черепе умершей найдены остатки кожаной полосы со следами позолоты и золоченые стеклянные цилиндрические бусины — всё, что сохранилось от налобной повязки.

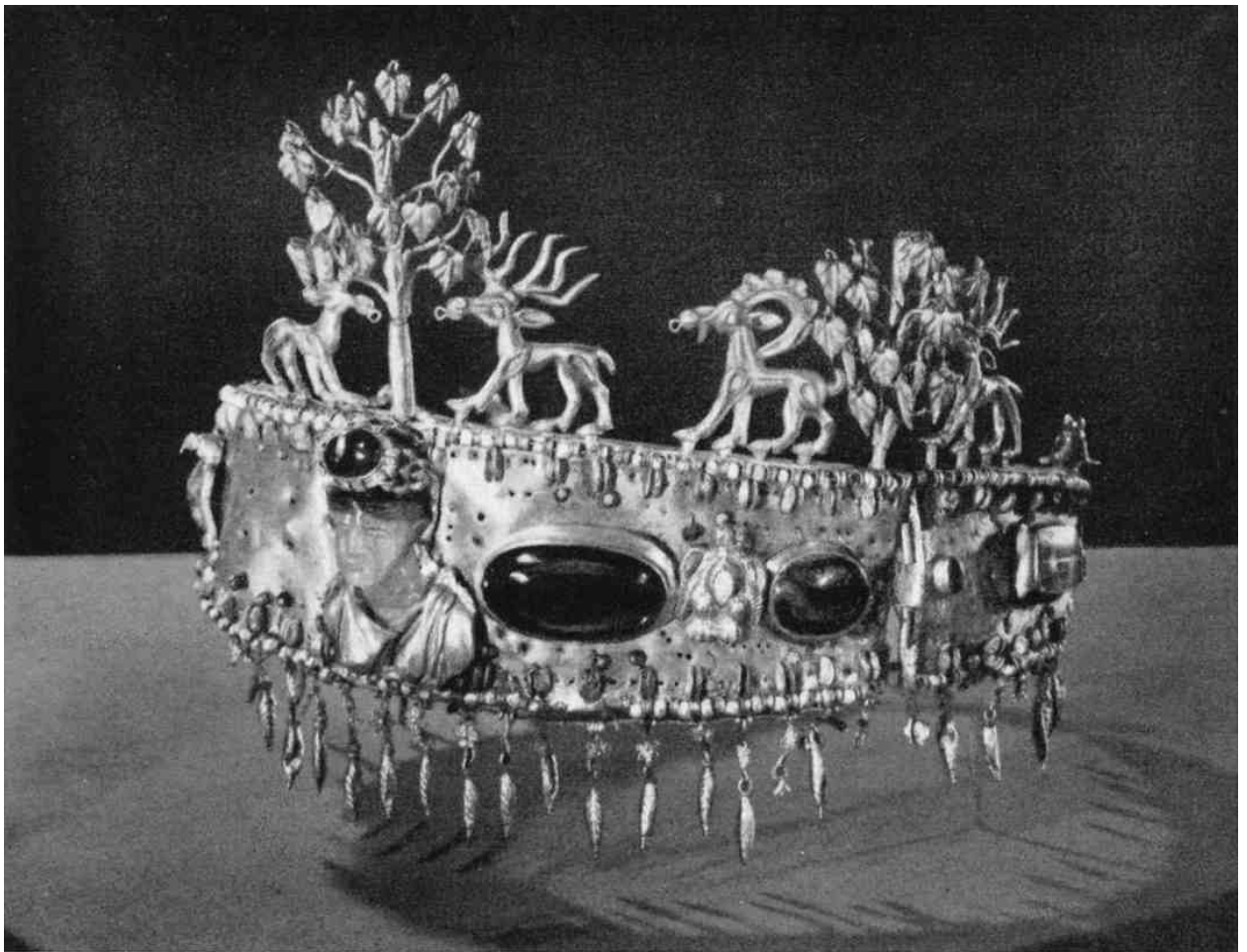

Рис. 2. Диадема I в. н. э. из кургана Хохлач близ Новочеркасска

К III веку н.э. относится другая налобная повязка из случайной находки у озера Батырь в Казахстане. Это длинная, сужающаяся к концам полоса холста, покрытая сверху тонкой шёлковой тканью красного цвета (длина 46 см, ширина 3 см). По всей полосе в три ряда нашиты мелкие золотые полукруглые бляшки диаметром 0,8 см.

Золотые диадемы были принадлежностью головного убора варварской знати, рядовое население довольствовалось менее дорогими налобными повязками. Интересно, что в боспорских погребениях диадемы полихромного стиля неизвестны.

Колты относятся к украшениям, бытовавшим только в гуннскую эпоху. Они происходят из погребений или случайных находок в южнорусских степях (6 экземпляров) и Средней Азии (один экземпляр).

Колт представляет собой плоский золотой щиток в форме неправильного овала с напаянной вдоль ребра узкой лентой, образующей с лицевой и оборотной сторон прямые закраины. К центру, по всей длине, припаяны цилиндрические трубочки (от 18 до 26) с желобчатой поверхностью и с круглой шаровидной головкой на конце. Головки завершены пирамидкой из зерни. Внешняя сторона щитка украшена гранатовыми, альмадинными, сердоликовыми или янтарными вставками в напаянных гнёздах числом от десяти до тринадцати. Промежутки между вставками и края щитка орнаментированы треугольниками или ободками из зерни или накладным узором — «плётёной». Обратная сторона также покрывалась зернью и гнёздами со вставками, но в меньшем

количестве — от трёх до пяти. На двух колтах имеются фигуры животных, исполненные в технике мелкой зерни. Наиболее интересны подвески из случайной находки у хутора Верхне-Яблочного, на оборотной стороне которых представлена следующая сцена: в центре щитка — дерево с сидящей на его верхушке птицей, с каждой стороны дерева — по две фигурки козлов, размещённые друг над другом и обращённые к дереву.

«Древо жизни» со стоящими по его сторонам животными встречено на изделиях более раннего времени, в могилах сарматской и меотской знати Подонья и Прикубанья. Одна из таких находок происходит из кургана 46 Усть-Лабинского могильника в Прикубанье (рис. 3). Это четыре накладки, вырезанные из бронзовой пластины и обтянутые золотым листом. Одна из них воспроизводит «древо жизни», ветви которого заканчиваются фигурками птиц и головами козлов, остальные три исполнены в виде отдельных фигур животных — оленя, козла, зайца или собаки (?). Все вместе они образуют единую композицию. Такое же сочетание деревьев и животных можно отметить на верхнем фризе новочеркасской диадемы. Этот декоративный фриз полон и культово-магического смысла. «Древо жизни» связано с культом плодородия, а священные животные — горные козлы и олени — олицетворяют добрые силы природы. Изображение оленя и горного козла характерно для многих древних племен и народов. В искусстве скифов Северного Причерноморья, кочевых племён Сибири и Алтая и народов Передней Азии эти сюжеты занимали главное место. Не чужды они и кочевникам эпохи переселения народов. Сцена на колте из хутора Верхне-Яблочного, воплощающая представления о космических силах природы, несомненно, имела культово-магическое значение. Сама форма колтов (диск, окружённый лучами) символизирует солнце. В этой связи интересно изображение на оборотной стороне колта из бывшего собрания П. Строганова: в центре щитка — овальное гнездо (вставка не сохранилась), от которого расходятся восемь лучей в виде пластинок, обрамленных зернью. Каждый луч заканчивается вставкой граната в напаянном гнезде; между лучами — фигурки козлов и треугольники. Эта композиция подчёркивает значение предмета как символа солнца.

Подобные колты бытовали лишь в гуннскую эпоху. Они служили височными подвесками, которые с помощью двух боковых пластинчатых петелек подвешивались к головному убору на уровне висков.

Кулоны, так же как и колты, принадлежат к своеобразному типу украшений знати гуннской эпохи. И хотя эти изделия отсутствуют в нашем каталоге, поскольку их нет в коллекции Эрмитажа, мы всё же считаем необходимым познакомить с ними читателя. Кулоны представляют собой парные, сложные по форме фигуры, богато декорированные вставками граната или альмандина и орнаментом из зерни. Каждый кулон состоит из двух частей. Одна часть, согнутая из золотого листа, образует полый квадрат. Сверху и снизу к квадрату припаяны овальные пластинки. В нижней пластинке сделана прорезь, в которую вставлена перламутровая трапециевидная пластина. Другая часть, оформленная в виде рога изобилия, спаяна из двух половин и прикреплена к верхней пластине квадрата. Полое пространство заполнено мастикой. Один конец «рога» заканчивается втулкой, в которую должен был вставляться стержень. К сожалению, пока невозможно судить о том, как носились эти кулоны и каким образом они соединялись друг с другом. В 1954 году в курганном могильнике у г. Ленинска Волгоградской области подобное изделие было обнаружено на шейных позвонках женского скелета. Это позволяет предположить, что оно было нагрудным украшением. Такие кулоны найдены также в богатом женском захоронении в степной части Крыма; у дер. Марфовки близ Керчи (рис. 4); в погребении у Балтени в Румынии. Известна ещё одна пара кулонов из коллекции Диргарта (была приобретена в Варне в 1910-х гг.).

Кулоны, колты и диадемы являлись украшением женского костюма. В уже упомянутом погребении у дер. Марфовки представлены все три предмета, в другом захоронении — у хутора Верхне-Яблочного — только диадема и колты. Вероятно, эти украшения составляли гарнитур драгоценностей знатной женщины.

Серьги полихромного стиля гуннского времени найдены в трёх погребениях — в Нижнем Поволжье, Казахстане и в Крыму (рис.5). Две пары имели фигурное основание из двух спаянных половинок с высокой бронзовой дужкой, третья представлена одной серьгой в форме полумесяца. Для сохранения объёма серьги внутри заполнены сероватой массой. На их лицевой стороне — напаянные гнёзда со вставками альмандина или граната и треугольники из зерни. Вокруг гнёзд — ободки из зерни. Края также обрамлены зернью.

Рис. 3. Золотые накладки в виде фигурок животных и «древа жизни» из кургана у станицы Усть-Лабинской на Кубани

Серьги в виде «лунницы» с высокой проволочной дужкой по форме восходят к древнейшим образцам греческого ювелирного искусства Северного Причерноморья VI-IV веков до н.э. В эллинистическое и раннеримское время подобные серьги исчезают и вновь возрождаются в позднеримскую эпоху, продолжая бытовать в гуннский период.

Наконечники гривен оригинальной формы — в виде схематичной головы драконов — были обнаружены в погребении у с. Кара-Агач (Казахстан) и на Каряжском городище близ Ставрополя. У с. Кара-Агач найдена пара наконечников, на городище — один. Первые два представляют собой полые, внутри заполненные белой массой прямоугольные столбики, заканчивающиеся открытой пастью дракона с торчащими ушами. Третий наконечник в виде трубочки неправильной формы спаян из двух половин листового золота и также заканчивается оскаленной

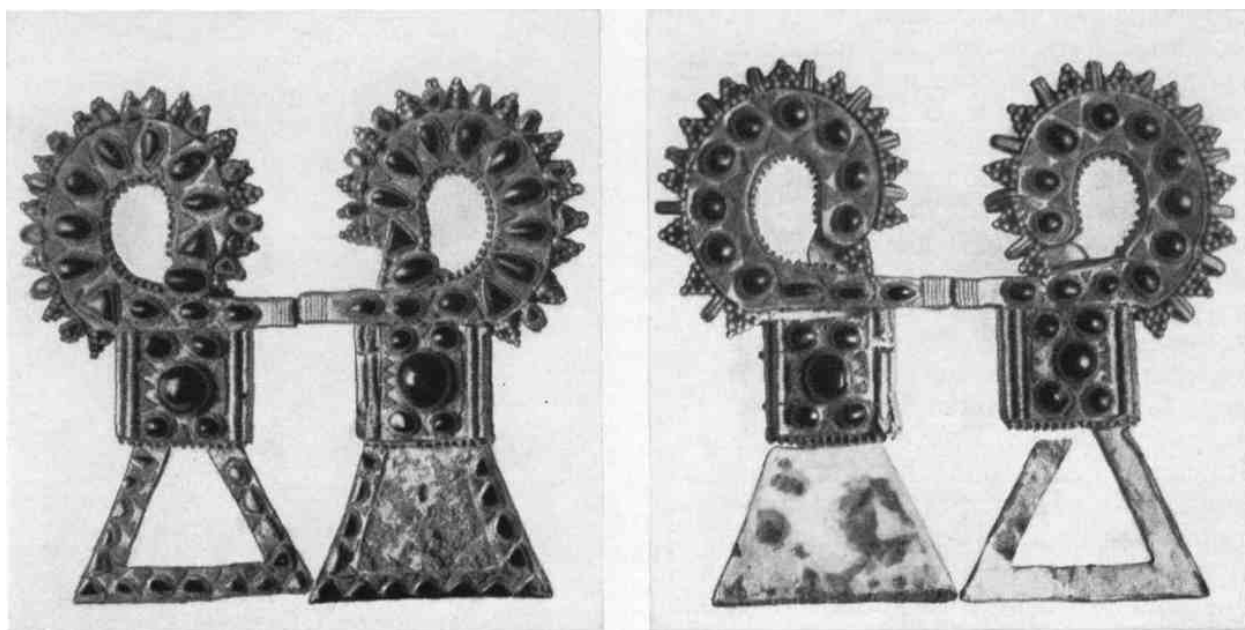

Рис. 4. Кулоны из склепа у дер. Марфовки близ Керчи

пастью чудовища. Наконечники богато украшены вставками граната, янтаря, красного стекла и филигранным орнаментом — «веревочкой», треугольниками и пирамидками из зерни. На каряжской головке имеется петля, имитирующая высунутый язык дракона.

Сопоставление изображений дракона с аналогичными головками на гривне из керченского склепа позволило К.М. Скалон предположить, что казахстанская и ставропольская находки также являются наконечниками гривен. Доказательством этого служит ещё одна находка золотой проволочной гривны или браслета более раннего времени (I-II вв. н.э.), концы которого украшены очень близкими по форме и стилю фигурками фантастического животного. Украшение было обнаружено в 1948 году в с. Хапши Местийского района (Сванетия) вместе с другими золотыми и серебряными предметами. Никаких следов погребения здесь не найдено.

К первой группе ювелирных изделий гуннского времени относятся также пряжки с квадратным или прямоугольным основанием из сложенной вдвое бронзовой пластины, обтянутой золотой фольгой. Пряжки украшены цветными вставками в напаянных гнездах и штампованным или филигранным геометрическим орнаментом. К этой же группе

принадлежат различные геометрической формы бляшки и накладки от одежды и конской уздечки.

Уздечные наборы. С приходом гуннов в степи Северного Причерноморья здесь получает распространение своеобразное убранство коня. Кожаные ремни украшаются плоскими бляшками геометрических форм. В основном это узкие, шириной в 1 — 1,5 см, прямоугольные накладки, которые штифтами прикреплялись к ремням. Одни из них декорированы вставками цветных камней в напаянных гнёздах и штампованным орнаментом, другие — только геометрическими фигурами. В местах перекрещивания налобного и наносного ремней с боковыми ремнями уздечки помещались крестообразные равноконечные бляхи. Большие ромбовидные пластины, а также бляшки-«лунницы» украшали налобный и наносный ремни. Все эти бляхи, как правило, в основе своей имели бронзовую пластину, покрытую золотым листом. Железные удила с кольчатыми бронзовыми или серебряными псалиями соединялись с уздечными ремнями при помощи зажимов. Последние представляли собой сложенную вдвое бронзовую или серебряную пластину, внутри которой посредством штифтов-гвоздиков укреплялся ремень. Лицевая сторона зажимов обычно покрывалась золотым листом и декорировалась вставками полудрагоценных камней. На юге нашей страны такие уздечные наборы открыты археологами лишь в памятниках степной полосы, в местах обитания кочевников. Близкие по конструкции уздечки коней боспорских всадников украшались бляшками иных форм, выполненными в ином стиле.

Бляшки сходных форм встречаются в уздечных наборах позднекочевнической культуры тюркских племён (VIII-X вв.). Интересно отметить, что, кроме уздечек, в погребениях поздних кочевников находят и другие предметы, распространение которых в степях Северного Причерноморья восходит ко времени господства гуннов (однолезвийные мечи и кинжалы, сёдла с жёсткой конструкцией). Взаимосвязь гуннов с тюркскими племенами наблюдается также и в отдельных чертах погребального обряда (ритуал сожжения умерших и захоронение шкуры лошади). Эти аналогии подтверждают высказанное предположение о тюркском происхождении гуннов.

Вторая группа ювелирных украшений полихромного стиля представлена предметами, выполненными в технике перегородчатой инкрустации. В памятниках степной полосы юга России такие украшения — большая редкость. В основном они представлены поясными пряжками и наконечниками (кат. 68, 70). Кроме того, в разрушенном погребении у колхоза «Восход» близ г. Покровска Саратовской области обнаружена фигурная накладка со стилизованными головками птиц, вероятно, от перекрестия меча.

Центром распространения изделий с перегородчатой инкрустацией был Боспор. В богатых склепах позднеантичного некрополя на Госпитальной улице в Керчи, которые датируются концом IV — первой половиной V века н.э. найдены различные предметы — браслеты, пряжки и наконечники пояса, накладки ножей и навершия мечей, украшения конской сбруи (зажимы удили), фигурки животных, орнаментированные плоскими вставками альмандина и граната в ячейках, образованных напаянными на поверхность перегородками (рис. 6).

Как видно из характеристики ювелирных изделий, технические особенности играли немалую роль в формировании художественного стиля гуннской эпохи. Поэтому прежде чем говорить о происхождении полихромного стиля, проследим технические приёмы, которыми пользовались древние ювелиры при изготовлении разнообразных украшений.

Почти все украшения первой группы со вставками в напаянных гнёздах и геометрическими орнаментами имеют бронзовое основание и тонкое золотое покрытие. Края золотого листа всегда загнуты внутрь и плотно охватывают основание. Последнее состоит из бронзовой пластины, гладкой или с рельефным орнаментом, либо из двух бронзовых пластин — нижней гладкой и верхней с рельефным орнаментом. Такое различие, как нам кажется, связано с техникой орнаментации. В том случае, когда золотое покрытие украшалось филигранным орнаментом, основание представляло собой одну гладкую бронзовую пластину. Это очень хорошо видно на диадеме из станицы Верхне-Курмоярской у хутора Верхне-Яблочного (кат. 1).

Для сохранения же штампованного орнамента требовалась твёрдая основа, поэтому в изделия со штампованным рисунком вводилась бронзовая подкладка с аналогичным рельефом. Мелкие предметы (бляшки, накладки) имели одну основу, а более крупные изделия (диадемы, бляхи, фибулы) — две: гладкую нижнюю пластину и промежуточную, помещавшуюся между нижним основанием и золотым покрытием. Промежуточная пластина всегда была украшена рельефным орнаментом, соответствующим рисунку, оттиснутому на золотой обкладке (см., например, кат. 11). Иногда вместо промежуточной пластины между бронзовой основой и золотым покрытием непосредственно под штампованным орнаментом помещались бронзовые литые проволочки-валики с аналогичным узором. В такой технике выполнено большинство вещей из погребений с сожжением у с. Новогригорьевка (кат. 65, 66). Проволочки, как и вышеназванные промежуточные пластины, служили для сохранения орнамента на золотом листе, покрывающем предмет. Первоначально орнамент резцом или чеканом наносился на бронзовую основу либо отливался вместе с основой, а затем оттискивался на золотом покрытии. Таким образом, промежуточная бронзовая пластина и проволочки-валики играли двойную роль. Сначала они служили матрицами для оттискивания орнамента, а затем предохраняли последний от повреждений.

Для сохранения формы объёмных предметов (например, таких, как кат. 34, 92), спаянных из двух половин, древние ювелиры использовали в качестве основы мастику, заполняя ею пустое пространство.

Золотое покрытие соединялось с бронзовой основой не только благодаря загнутым на обратную сторону основания краям, но и при помощи штифтов и заклёпок, чаще всего помещавшихся под вставками.

Существовало несколько вариантов гнёзд, в которых располагались вставки. Самый распространённый — узкая золотая полоска с заходящими, сомкнутыми или врезанными друг в друга концами. Полоска ребром напаивалась на поверхность предмета. После того как в гнездо помещалась вставка, иногда крепившаяся на мастике, верхний край гнезда слегка сдавливался. Основание гнезда часто украшалось ободком из зерни, с одной стороны, являвшимся элементом орнамента, а с другой — выполнявшим техническую функцию (поддерживал стенки гнезда). Такую же роль на некоторых изделиях играли и узкие ленточки-полоски, напаянные вокруг гнезда.

Рис. 5. Серьги из погребений
у г. Покровска Саратовской обл.
и у с. Кара-Агач в Казахстане

Другой вариант гнезда — круглый лоточек с плоским дном и припаянными ребром невысокими стенками из узкой ленточки с заходящими друг за друга концами. Такие гнезда прикреплялись к поверхности предмета гвоздиками-штифтами и чаще всего встречаются на бляхах или пряжках с твёрдым массивным золотым основанием.

Как мы уже отмечали, гуннские ювелирные изделия украшались не только вставками цветного стекла или полудрагоценных камней, но и геометрическим орнаментом — филигранным или штампованным. Основными элементами орнамента были «верёвочка», «плетёнка», или «косичка», «рубчик», треугольники, пирамидки и ромбики. «Верёвочка» образовывалась двумя гладкими перевитыми друг с другом золотыми проволочками, а также имитировалась витыми проволочками или узкими пластинками с косыми нарезками. «Плетёнка» состояла из двух положенных параллельно «верёвочек». Иногда между ними помещалась гладкая проволочка, в таком случае орнамент скорее напоминал «ёлочку». «Рубчик» представлял собой накладную проволочку с частыми нарезками. Более глубокие нарезки создавали впечатление бусинного орнамента, имитирующего зернь (рис. 7).

Треугольнички, пирамидки и ромбики обычно передавались напаянной зернью. Иногда из зерни выкладывались целые сцены, как, например, на колтах из станицы Верхне-Курмоярской и из бывшего собрания П. Строганова (кат. 2, 10). Штампованный орнамент выполнялся в технике оттискивания и полностью подражал филигранному.

Изделия с перегородчатой инкрустацией, как правило, изготовлялись из золота, иногда имели серебряную основу, реже бронзовую. Перегородки из плотной золотой пластинки напаялись ребром на основу, образуя гнезда-ячейки. В них помещались плоские шлифованные пластинки камня или стекла. Так как ячейки были глубокими, а камень плоским, пустота заполнялась мастикой, которую сверху покрывали тонкой золотой фольгой и затем вставляли камень. Золотая фольга не только сохраняла блеск камня, но и усиливала его. После того, как камень или стекло вставлялись в ячейки, верхний край последних несколько сплющивался и тем самым предохранял камень от выпадания. Орнамент на изделиях с перегородчатой инкрустацией почти отсутствовал, встречались лишь ободки из рубчатой проволоки или зерни.

Обе группы ювелирных изделий появились в гуннскую эпоху и составляют особенность культуры данного периода. Однако пути их развития различны.

Полихромный стиль первой группы в основном сложился под влиянием культуры гуннских племён, но в нем можно проследить и устойчивые традиции ювелирного искусства Боспорского царства.

Ещё в эпоху эллинизма в античных городах Северного Причерноморья полихромные украшения приходят на смену монохромным греческим ювелирным изделиям. Классическими образцами раннего полихромного стиля являются работы, в которых золото и гранаты сочетаются с пышным ажурным орнаментом, исполненным в тончайшей технике скани и зерни, господствовавшей в античную эпоху. Это диадемы с геракловым узлом, браслеты, серьги, перстни, ожерелья. Аналогичные украшения в эллинистическую эпоху были распространены по всему Средиземноморью, в Малой Азии и в Греции (рис. 1). Вероятно, в Греции в эпоху Александра Македонского на основе древнего античного ювелирного искусства и под влиянием Востока, где полихромия известна с древних времён, возникает новое художественное направление.

Для украшений эллинистического периода (артюховская диадема из Северного Причерноморья, диадема из Фессалии) характерны разнообразие и изящество форм, тонкость работы, умеренная полихромия, гармоничное сочетание античных растительных и геометрических орнаментов со вставками камня, преимущественно красных оттенков. Вероятно, именно эту группу украшений М.И. Ростовцев относил к греко-восточному полихромному стилю.

В римскую эпоху полихромный стиль развивается в сторону усиления многоцветности, о чём свидетельствуют многочисленные украшения, обнаруженные в некрополях греческих городов Причерноморья и в погребениях сарматской и меотской знати.

Ювелирные изделия римского времени, продолжая традиции полихромного стиля эллинистического ювелирного искусства, вместе с тем отличаются простыми формами и несложной орнаментацией, а также большей многоцветностью и интенсивностью заполнения поверхности цветными вставками. Золото сочетается не только с камнями красных оттенков, но и со вставками камня или стекла зелёного, жёлтого, синего, фиолетового цветов. Изготавливаются более мелкие вещи, ощущается экономия золота, грубеет техника орнаментации. Орнаменты, сохраняя элементы эллинистического ювелирного искусства, выглядят упрощёнными и грубыми.

Тенденция к упрощению форм и техники орнаментации ещё сильнее проявляется в ювелирных изделиях позднеимперского периода (III-IV вв. н.э.). В них заметно уменьшается многоцветность, преобладают вставки красных и оранжевых оттенков. В погребении Рискупорида III, которое датируется III веком н.э., предметы украшены только гранатами и сердоликами в напаянных гнёздах и простейшим накладным орнаментом из золотой проволоки и крупной зерни.

Преемственность полихромных украшений первой группы от изделий эллинистического и римского ювелирного искусства сказалась в соединении вставок с филигранными или штампованными геометрическими узорами, в цветовом решении, характере орнаментации, а также некоторых технических приёмах.

Описанные выше орнаменты в виде «верёвочки», «плетёнки», «ёлочки», «рубчика», узоры из зерни и по содержанию и по технике восходят к греческому ювелирному искусству, где они сочетались со сложными сюжетными сценами и пышным растительным декором.

Их роль тогда была второстепенной, в основном они служили поясками, окаймляющими края предметов. В римскую и особенно гуннскую эпоху преобладает геометрический орнамент, растительные узоры исчезают. Исполненные в технике зерни треугольнички, пирамидки, ободки вокруг гнёзд, характерные для изделий гуннской эпохи, также заимствованы из более древнего античного искусства. Некоторые формы, например, серьги-«лунницы» с высокой дужкой, сходны с образцами, распространёнными в предшествующие эпохи. Технические приёмы (вставки в гнёздах из

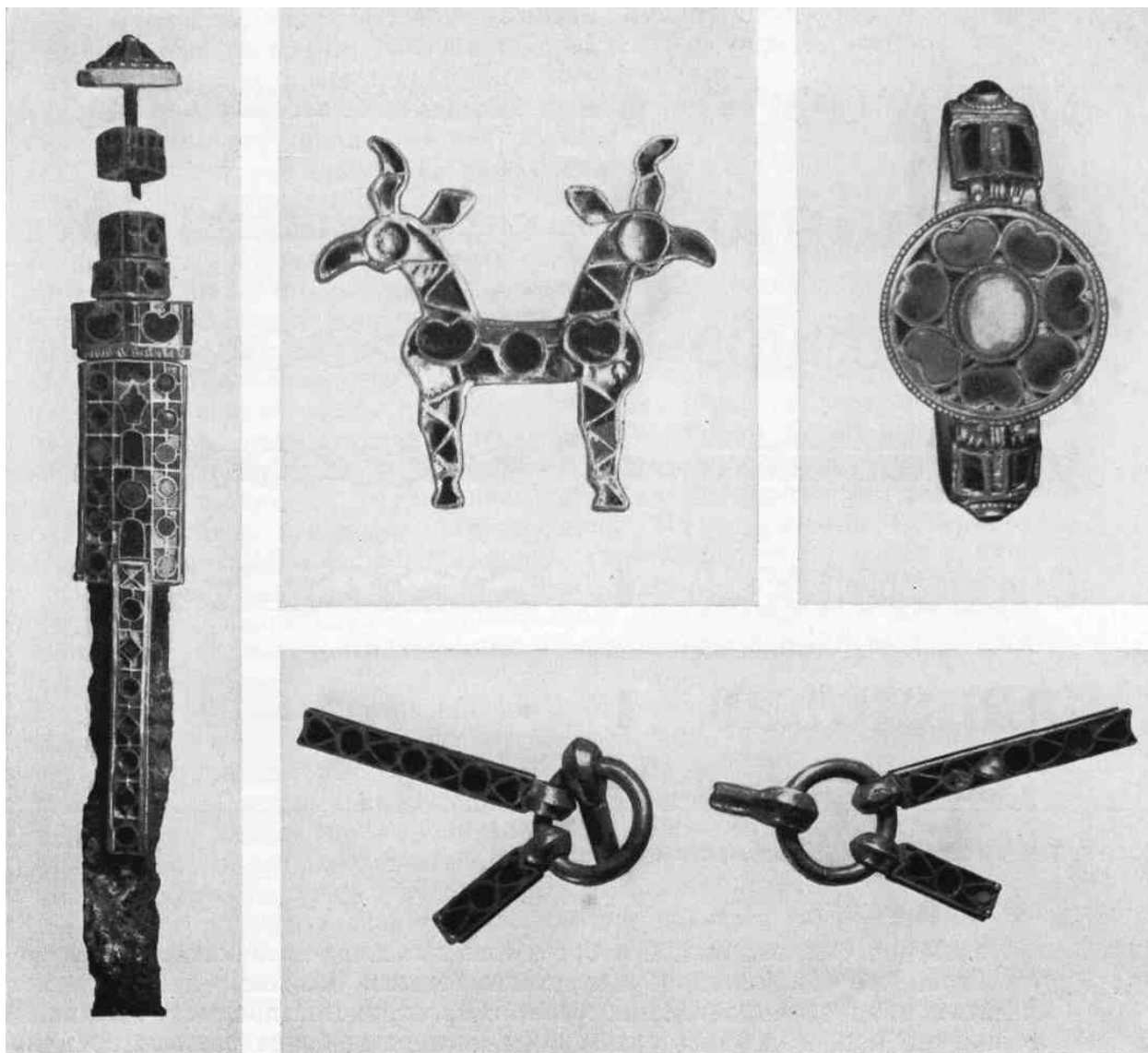

Рис. 6. Изделия с перегородчатой инкрустацией из керченских склепов

узкой полоски, напаянной ребром, или в гнёздах-лоточках, техника филигранного орнамента, образованного тонкими золотыми проволочками, штамповка, зернь, заполнение полого пространства предмета мастикой) широко использовались греческими мастерами более раннего времени. С предшествующей эпохой связана также культовая сцена («древо жизни» и стоящие вокруг него животные) на колтах из погребения у хутора Верхне-Яблочного. Аналогичные сюжеты, как упоминалось выше, встречены на предметах из сарматского погребения на Дону (Новочеркасский клад) и в меотском захоронении у станицы Усть-Лабинской (курган 42, I в. н.э.).

Влияние культуры гуннов выразилось в формах некоторых украшений, неизвестных в Северном Причерноморье в догуннскую эпоху (диадемы с фигурным фризом, колты, кулоны, уздечные бляшки и накладки), в символах, связанных с культом солнца. Насыщенность цветными вставками, расположенными геометрическими рядами и покрывающими большую часть поверхности (имитация украшений, расшитых разноцветными бусинами) придаёт изделию необычайную яркость и пышность, отвечавшую вкусам гуннской знати. Именно эти черты, в слиянии с традициями греко-римского мастерства, служат определяющим признаком ювелирных произведений гуннского времени.

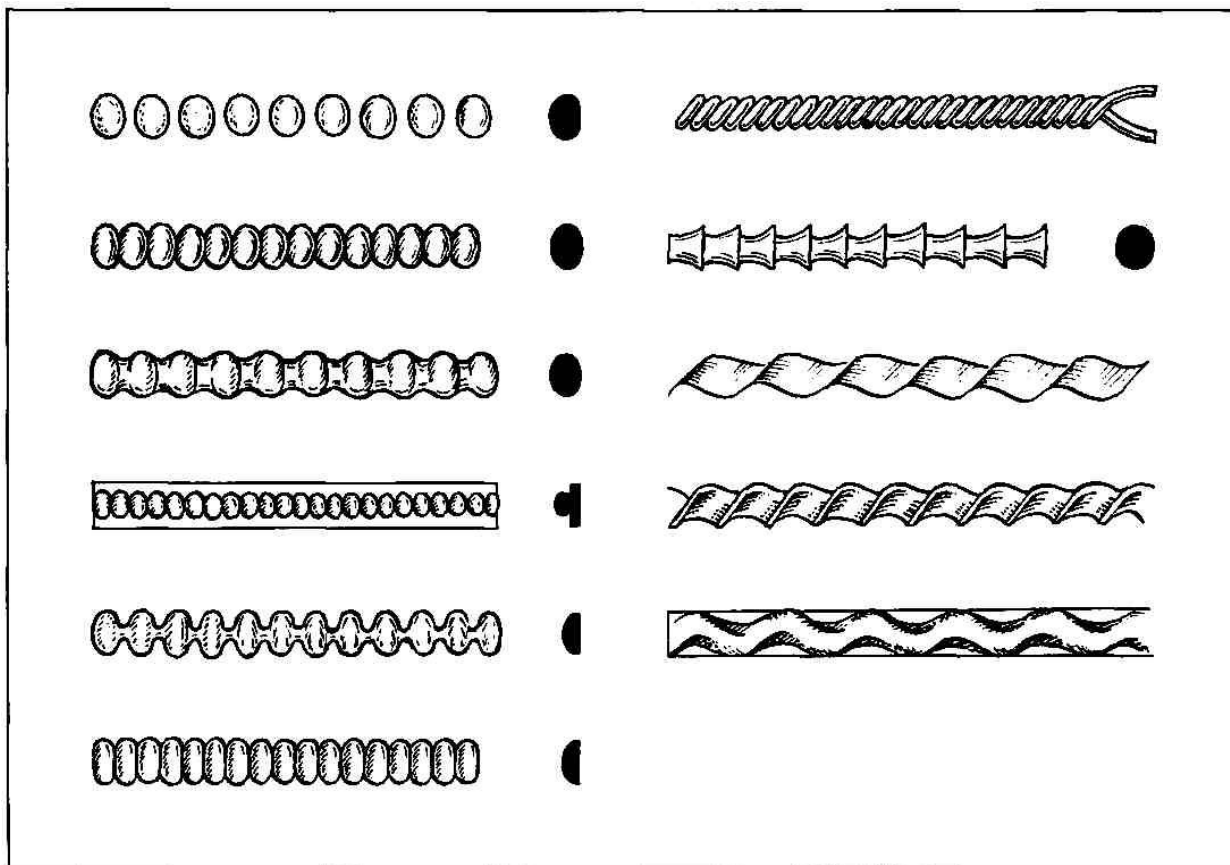

Рис. 7. Технические детали филигранного орнамента

Труднее выяснить происхождение предметов второй группы, исполненных в технике перегородчатой инкрустации. У нас нет оснований связывать их с культурой гуннов. Не имеют они корней и в ювелирном искусстве Боспора и Греции. Эта техника издревле существовала на Востоке. В Амударьинском кладе, который относится к эпохе Ахеменидов (V-IV вв. до н.э.), фигуры животных были украшены вставками в углублённых гнёздах и в перегородках, сплошь покрывающих тело животных. В такой же технике исполнено несколько предметов из хранящейся в Эрмитаже Сибирской коллекции Петра I. Например, тело и крыло птицы на золотой бляхе, изображающей сцену нападения хищной птицы на козла, фигурка птицы с лебедем в когтях покрыты перегородчатой инкрустацией, имитирующей птичье оперение. Таким же образом орнаментированы шея и рога фантастического животного на гривне. Близость их к предметам Амударьинского клада, возможно, указывает на одновременность бытования этих изделий. На территории Северного Причерноморья перегородчатая инкрустация встречена на вещах архаического периода (VI-V вв. до н.э.) из скифских курганов (предметы неизвестного назначения с головой льва, бляха-пантера из Келермесского кургана, золотой наконечник в виде головы лошади из Ульского кургана).

Подобные изделия не были найдены в памятниках более позднего времени — ни в некрополях греческих городов, ни в степных курганах Северного Причерноморья.

В I веке н.э., когда южнорусские степи были заселены сарматскими и аланскими племенами, среди золотых вещей появляются единичные образцы, исполненные в технике перегородчатой инкрустации. Один такой предмет обнаружен в Новочеркасском кладе вместе с серией украшений сарматского «звериного стиля». Это узкий прямоугольный флакончик, внешняя сторона которого разделена перегородками, заполненными цветной пастой. Аналогичный поясok украшал золотую чашу из станицы Мигулинской Ростовской области. На чаше имеется греческая надпись — фракийское имя мастера. Однако эти немногие экземпляры не меняют нашего представления о характере ювелирного искусства Боспора. Здесь продолжает господствовать греко-римский полихромный стиль. Лишь в гуннскую эпоху техника перегородчатой инкрустации получает широкое распространение.

Украшения с цветными вставками в перегородках, в отличие от предметов первой группы с напаянными гнёздами, можно считать новым явлением в ювелирном искусстве Боспора. Поскольку украшения второй группы обнаружены не в степных памятниках, а главным образом в некрополе, они, вероятно, отражают вкусы жителей Боспора. Как нам представляется, боспорские ювелиры гуннской эпохи, переработав древнейшую восточную технику инкрустации, создали на основе существовавшего художественного стиля изделий первой группы своеобразный «северопричерноморский перегородчатый полихромный стиль». В технике перегородчатой инкрустации идея сплошного покрытия поверхности цветными вставками разнообразных полудрагоценных камней или стекла нашла наиболее полное и лаконичное выражение. Из всего изложенного выше следует, что было бы неправильным связывать полихромный стиль с культурой сарматов, аланов или готов. Однако, как мы уже упоминали, в настоящее время в археологической науке широкое распространение получила точка зрения о сармато-аланском происхождении не только полихромных украшений гуннской эпохи, но и вообще всех памятников данного периода.

По нашему мнению, такой подход к материалам гуннского времени зачёркивает целый самостоятельный этап в истории Северного Причерноморья, что противоречит как письменным источникам, ярко рисующим события периода господства гуннов в Северном Причерноморье, так и археологическим фактам, свидетельствующим о коренных переменах в материальной культуре данной области в связи с приходом гуннов.

Чем же характеризуется искусство сарматских племён, известное в литературе как «сарматский звериный стиль»? Своеобразие его заключается в использовании цветных вставок, но главным и определяющим признаком является предельно схематичное изображение животных — оленя, лося, лошади, барана, горного козла, хищника породы кошачьих, фантастических существ. Эта трактовка обусловлена прикладным характером сарматского искусства. Многие бытовые предметы, оружие и конская упряжь украшались фигурками зверей. Чтобы изображение гармонично сочеталось с формой изделия, художник намеренно изменял пропорции тела животного, укорачивая или чрезмерно вытягивая его. Детали передавались гравированными или чеканными бороздками, насечками, наколотыми точками (шерсть, рёбра). Мышцы лопаток, бёдер, глаза, уши, копыта подчеркивались цветными вставками в гнёздах-углублениях овальной, сегментовидной, миндалевидной и округлой форм. Для вставок чаще всего использовались бирюза или голубая паста. Сарматский «звериный стиль» представлен широко известными золотыми украшениями — гривнами (рис. 8), браслетами, бляшками, флакончиками, бляхами конской сбруи из погребений сарматской знати Нижнего Поволжья, Подонья, Кубани, Поднепровья. Подобные изделия в степях Северного Причерноморья появляются лишь на рубеже нашей эры и бытуют в течение I века н.э.

Однако уже в богатых могилах сарматской знати II-III веков н.э. вещи сарматского «звериного стиля» не встречаются. Найденные в них украшения являются типичными ювелирными изделиями полихромного стиля, господствовавшего в греческих городах Северного Причерноморья в римскую эпоху. Это мелкие бляшки, медальоны, ожерелья, серьги, перстни, браслеты, украшенные разноцветными вставками в напаянных гнёздах и геометрическими накладными орнаментами из золотых проволочек и зерни.

Предметы сарматского «звериного стиля», где золото сочетается с бирюзой или голубой пастой, резко отличаются от ювелирных изделий греко-римского полихромного стиля, в которых камни красных оттенков объединяются с геометрическими орнаментами. Различие наблюдается и в своеобразной технике гнёзд. Фигуры животных украшены вставками в углублённых гнёздах, отлитых или отчеканенных одновременно с изображением, ювелирные же изделия греко-римского полихромного стиля орнаментированы вставками в напаянных гнёздах. Животных боспорские мастера также изображали по-своему, в не свойственной сарматскому искусству манере. Ярким примером является золотая фибула, найденная в кургане у Армавира (погребение I в. н.э.). Фибула представляет собой схематическое изображение фигуры барана в виде трубочки неправильной прямоугольной формы, заканчивающейся головой животного с закрученными рогами. Поверхность украшена напаянными гнёздами со вставками цветной пасты и орнаментом — филигранной «плетёнкой», треугольниками и ободками из зерни (рис. 8). Появление на рубеже нашей эры изделий сарматского «звериного стиля» не оказало существенного влияния на ювелирное искусство греческих городов в целом и не приостановило его дальнейшего развития в старых традициях. Наоборот, как показывают археологические находки, сарматская знать II-III веков н.э. широко использует украшения греко-римского полихромного стиля, вещи же сарматского «звериного стиля» исчезают. Это происходит задолго до появления в южнорусских степях гуннов. Лишь отдельные сюжеты сарматского искусства можно наблюдать в украшениях гуннской эпохи (культовая сцена на колтах из погребения у хутора Верхне-Яблочного). Однако указанная тема («древо жизни») была широко распространена в искусстве различных племён и народов.

Рис. 8. Фибула-барашек из кургана у Армавира и гривна из кургана Хохлач близ Новочеркасска

Что же касается центров производства ювелирных изделий полихромного стиля гуннской эпохи, то пока с уверенностью можно говорить лишь о Боспоре, который, как и многие другие греческие города Северного Причерноморья, являлся культурным и ремесленным центром, снабжавшим своей продукцией местное степное население. И как когда-то во времена господства в степях скифов, а затем сарматов, так и в период владычества здесь

гуннов, ювелиры Боспора работали по заказу племенной знати, учитывая вкусы заказчика и в то же время используя накопленные веками навыки и мастерство.

Украшения полихромного стиля обнаружены не только в комплексах южнорусских степей. Область распространения их выходит далеко за пределы указанной территории. Подобные украшения найдены в Казахстане, Приуралье, Средней Азии и даже на Алтае¹. (10) Некоторые из них своеобразны по стилю, другие являются репликами северопричерноморских ювелирных изделий. Например, пряжки и наконечники поясов из случайной находки у дер. Муслимово Оренбургской области, исполненные в технике перегородчатой инкрустации (кат.39), 40 находят прямые аналогии среди предметов керченского некрополя на Госпитальной улице. То же можно сказать и о вещах из алтайского комплекса. Бытование изделий северопричерноморского происхождения на территории, столь удалённой от их центра производства, следует рассматривать как боспорский импорт.

Полихромные украшения гуннской эпохи обнаружены во многих странах Европы — в Польше, Румынии, Югославии, Чехословакии, Венгрии и Германии. Появление и распространение их в Юго-Восточной и Центральной Европе связываются исследователями с движением на запад гуннов и других варварских племён — готов, сарматов, аланов. Некоторые комплексы Подунавья идентичны памятникам южнорусских степей не только по полихромным изделиям, но и по другим предметам погребального инвентаря, а также по ритуалу захоронения (погребения с сожжением). В этих комплексах представлены описанные выше уздечные наборы, металлические детали седла — треугольные накладки с чешуйчатым орнаментом, поясные наконечники, мелкие инкрустированные пряжки.

Во многих памятниках, как и в южнорусских погребениях, имеются украшения, орнаментированные вставками в напаянных гнёздах, и предметы, исполненные в технике перегородчатой инкрустации. Последние по форме, технике и стилю особенно близки изделиям из керченских склепов, что позволяет предполагать их боспорское происхождение. Однако наряду с этим среди западных находок встречаются вещи, в стилистическом отношении, а иногда и по форме резко отличающиеся от изделий Северного Причерноморья. К ним относятся предметы из погребения в Унтерзибенбруне (Австрия), украшенные резным орнаментом в виде различных геометрических фигур и розеток. В другом погребении, обнаруженном на территории Польши (Якушовицы), бляшки и наконечники от уздечки, совпадая по форме с северопричерноморскими (кат.5-9, 74 - 79), отличаются по декору (накладной геометрический орнамент при полном отсутствии вставок). Своеобразие же европейского полихромного стиля особенно ярко проявляется в украшении фибул, которые были широко распространены в Юго-Восточной и Центральной Европе. В археологических материалах, происходящих с территории нашей страны, они представлены лишь отдельными экземплярами.

Массивные серебряные фибулы, покрытые золотой пластиной, богато орнаментированной цветными вставками полудрагоценных камней, характеризуются разнообразием форм и декора. Цветные вставки, сплошь покрывающие поверхность предмета, сочетаются не только с геометрическими узорами в виде волнистых и спиралевидных линий, концентрических кружков, но и с изображениями животных. На многих фибулах вставки в напаянных гнёздах соединены с перегородчатой инкрустацией. Бросается в глаза отсутствие зерни, которая заменена мелкорубчатой проволокой. Этот стиль декора, отличающий фибулы от полихромных изделий Северного Причерноморья,

позволяют предполагать их западное происхождение. Западным мастером, вероятно, изготовлена фибула, найденная у г. Нежина Черниговской области (кат.91 , табл. IV).

Во второй половине V-VII веков н.э. в Северном Причерноморье пышный полихромный стиль гуннской эпохи постепенно угасает. В это время здесь преобладают вещи, орнаментированные растительными и геометрическими рельефными узорами и редко посаженными вставками альмандина или красного стекла. Иногда вставки заменяются просто литыми выступами.

В Западной Европе полихромный стиль, преобразованный местными мастерами, получает своё дальнейшее развитие. Европейские ювелиры, используя технические и декоративные приемы предшествующей эпохи и новые орнаментальные мотивы, создают своеобразный стиль, своим рождением обязанный распространению в Европе полихромных украшений северопричерноморского происхождения.

[1] ¹ Предметы из этого захоронения не включены в данный каталог, так как посвящённое им издание подготавливается к печати научным сотрудником Эрмитажа К.М. Скалон.

[2] ¹ СК, с. 337-339.

[3] ² Там же, с. 338.

[4] ³ Там же, с. 378.

[5] ⁴ Там же, с. 337.

[6] ⁵ Иордан, с. 102, №183.

[7] ¹ СК, с. 339.

[8] ¹ Иордан, с. 104, 109, §192, 217.

[9] ² Там же, с. 118, §259.

[10] ¹ Находки из разрушенного погребения, открытого в 1959 г. на территории совхоза Белоглазовского между сёлами Тугозвщново и Новосельское Шипуновского района Алтайского края, хранятся в Государственном Эрмитаже. Они не включены в наш каталог, поскольку подготавливаются к печати автором раскопок А.П. Уманским.

Табл. I

Колты — височные подвески

Табл. II

Наконечники гривны

Табл. III

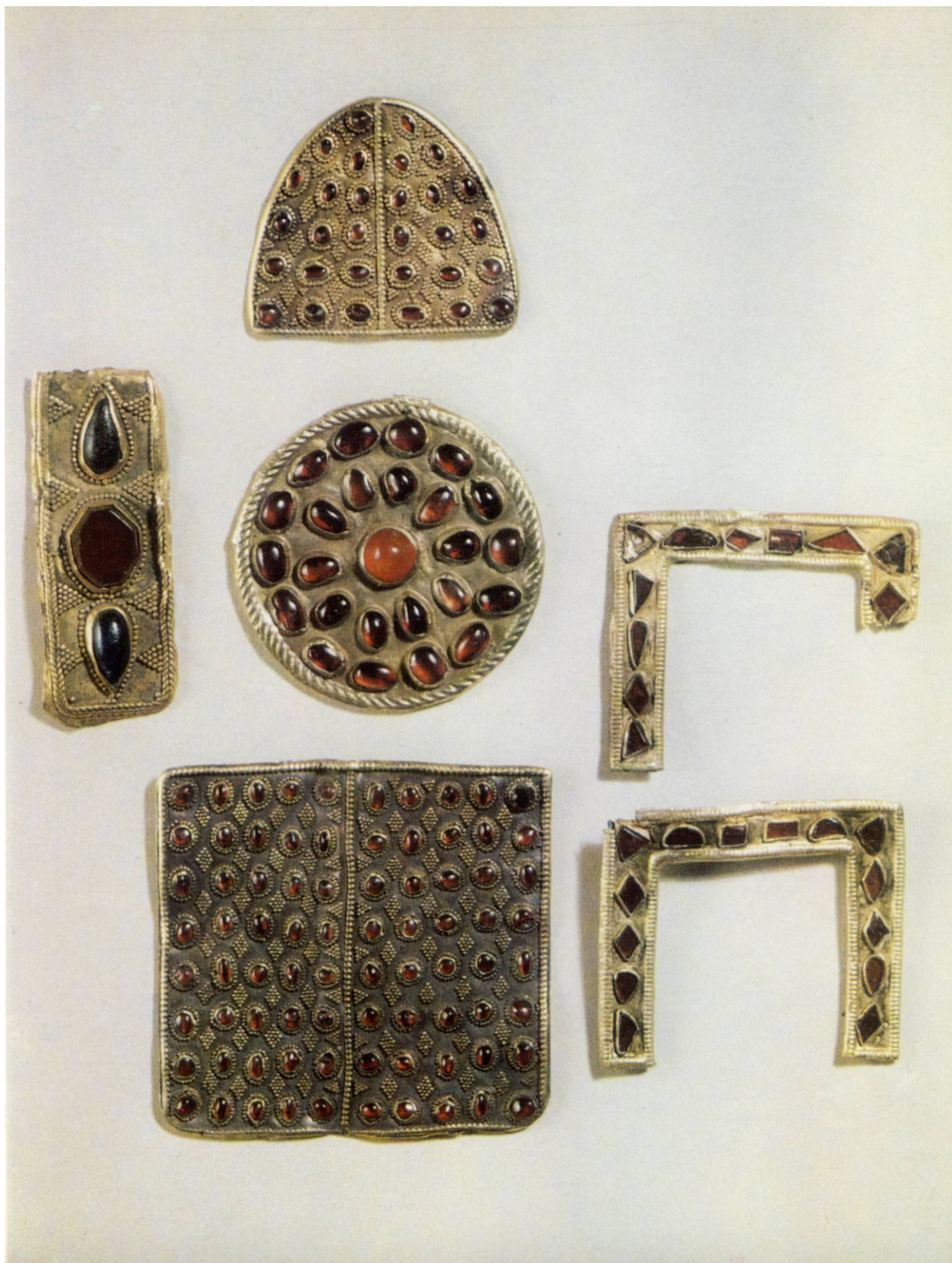
Украшения одежды и накладка ножен меча

Табл. IV

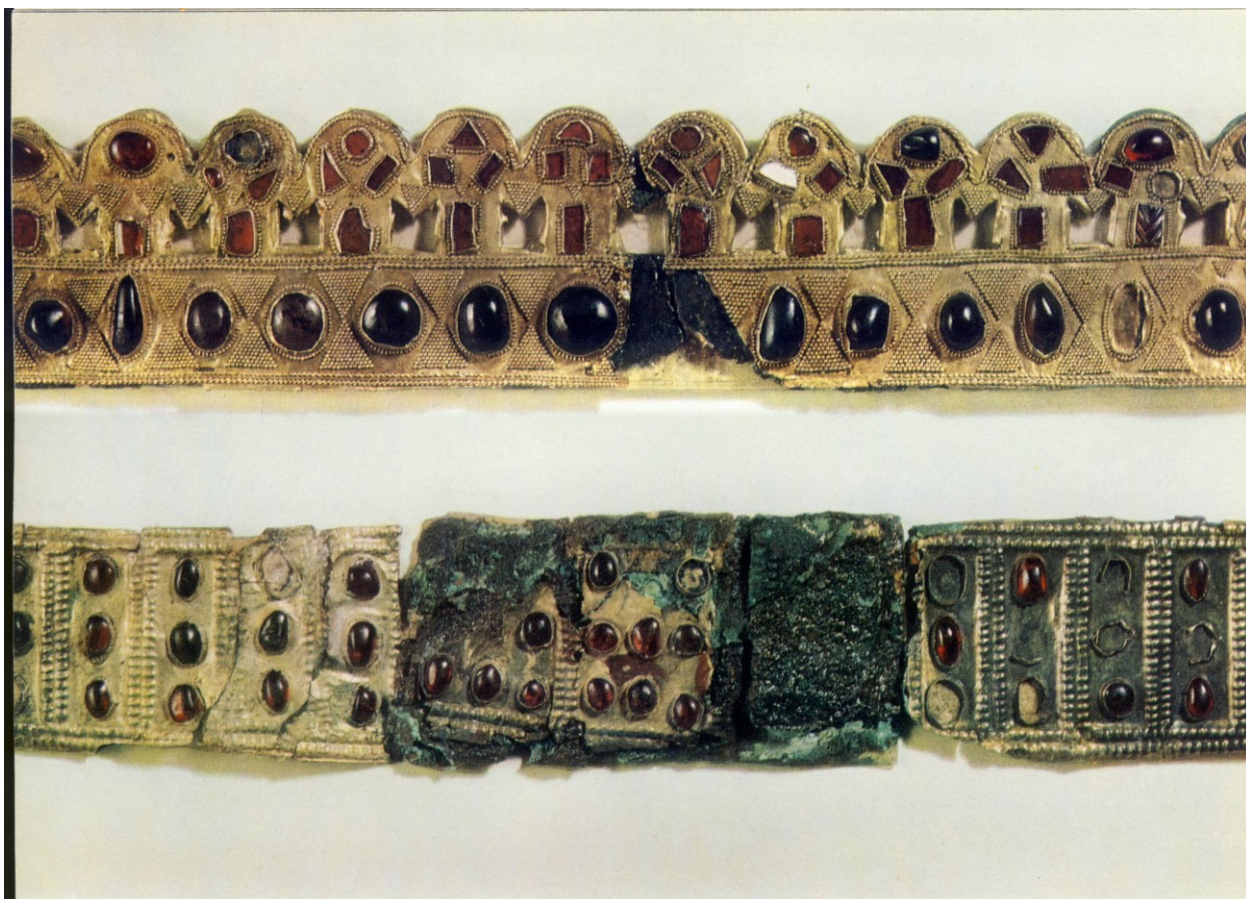
Фибула

Табл. V

Накладки и бляшки

Табл. VI

Диадемы — налобные повязки

Табл. VII

Украшения одежды и конской узда

Табл. VIII

Навершия мечей и пряжки

Список сокращений.

АН — Академия наук

АС — Археологический сборник

Бернштам, 1949 — Бернштам А.Н. Находки у озера Борового в Казахстане. — «Сборник Музея антропологии и этнографии», 1949, т. 13

Высотская, Черепанова, 1966 — Высотская Т.Н., Черепанова Е.Н. Находки из погребений IV-V вв. в Крыму. — «Советская археология», 1966, №3

Засецкая, 1968 — Засецкая И.П. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья. — «Археологический сборник», 1968, вып. 10

ЗООИД — Записки Одесского общества истории древностей

ИАК — Известия Археологической комиссии

ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры

Иордан — Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960 (Вступительная статья, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской)

ИСНВИК — Известия Саратовского нижеволжского института краеведения

Ковалёва, 1962 — Ковалёва И.Ф. Погребение IV в. у с. Старая Игрень. — «Советская археология», 1962, №4

КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР

МАК — Материалы по археологии Кавказа

МАЭ — Музей антропологии и этнографии

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

Минаева, 1927 — Минаева Т.М. Погребение с сожжением близ г. Покровска. — «Учёные записки Саратовского государственного университета», 1927, т. 4, вып. 3

ОАК. — Отчёты Археологической комиссии

Пешанов, 1961 — Пешанов В.П. Мелитопольская диадема. — «Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР», Киев, 1961, вып. 11

СА — Советская археология

СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа

СК — Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. 2, вып. 2. Спб., 1906

Спицын, 1905 — Спицын А.А. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб 1904 г. — «Известия Археологической комиссии», Спб., 1905, вып. 17

ТГИМ — Труды Государственного Исторического музея

ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР

Тиханова, Черняков, 1970 — Тиханова М.А., Черняков И.Т. Новая находка погребения с диадемой в Северо-Западном Причерноморье. — «Советская археология», 1970, №3

УЗСГУ — Учёные записки Саратовского государственного университета

АН — Archaeologia Hungarica

Alföldi — A. Alföldi, «Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung», Archaeologia Hungarica, 9, 1932

ESA — Eurasia septentrionalis antiqua

Fettich — N. Fettich, «La trouvaille de tombe princière Hunnique a Szeged-Nagyszekszos», Archaeologia Hungarica, 32, 1953

Mazulevich — L. Mazulevich, Byzantinische Antike. Berlin — Leipzig, 1929

Minajeva — T. M. Minajeva, «Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Sipovo», Eurasia septentrionalis antiqua, 4, 1929

Werner — J. Werner, Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches, Bd. A (Textteil), B (Tafelteil), München, 1956